

БОРИС КУРКИН

ПЕРЕЧИТЫВАЯ “ИГРОКОВ”

...Пиковая дама прищурилась и усмехнулась.

А. С. Пушкин “Пиковая дама”

Гоголь явно хотел написать свою “Пиковую даму”. Перечитывая “Игроков”, невольно приходишь к выводу, что нельзя до конца понять пьесу, не прочитав пушкинскую повесть. И хотя “Пиковая дама” и “Игроки” – о разном, однако переключка между ними несомненна. Порою кажется, что “Игроки” – это своеобразный ответ Гоголя Пушкину в новой и неожиданной форме и, добавим, к тому же на ином, более приземлённом – *социологизированном* – уровне. Порой Гоголь явно отсылает читателя и зрителя к “Пиковой даме”. Помните реплику Утешительного? “Говорят, **пиковая дама всегда продаст**, а я не скажу этого”.

Куда уж яснее! Ведь пушкинская повесть, которую сам поэт называл в узком семейном кругу **романом**, стала поистине *культовой*. “Пиковая дама”, – писал П. В. Анненков, – произвела при появлении своём <...> всеобщий говор и перечитывалась от пышных чертогов до скромных жилищ с одинаковым наслаждением...”

А О. И. Сенковский – Барон Брамбеус, – публикатор “Пиковой дамы”, вышедшей в 1834 году в “Библиотеке для чтения”, характеризовал её в своём письме Пушкину так: **“Вы создаёте нечто новое, вы начинаете новую эпоху в литературе <...> вы положили начало новой прозе – можете в этом не сомневаться <...>”**.

Так что искус отозваться на пушкинскую повесть у Гоголя был.

Что ж, приступим, благословясь...

Часто ли мы обращаем внимание на эпиграф к “Игрокам”? А ведь он таков: **“Дела давно минувших дней...”**, добавим: “Преданья старины глубокой...”

А ведь это же ПУШКИН!

Уже в одном этом и отсылка к Пушкину, и ирония, даже сарказм: какие уж тут *дела давно минувших дней*, ежели вся Россия бесповоротно и беспробудно погрузилась в пучину карточного безумия, и для неё это *воздух*, которым она дышит?

Комедия “Игроки” была напечатана впервые в издании “Сочинения Николая Гоголя” (1842), том четвёртый, в разделе “Драматические отрывки и отдельные сцены”. Весь раздел датировался самим Гоголем периодом с 1832 по 1837 год. Окончательная обработка “Игроков” относится к 1842 году, но начала была пьеса, несомненно, раньше. Посылая её Прокоповичу, Гоголь писал 29 августа 1842 года из Германии: “Посылаемую ныне пьесу “Игроки” всилу

собрал. Черновые листы так были уже давно и неразборчиво написаны, что дали мне работу страшную разбирать”.

Эту первоначальную рукопись “Игроков” Н. С. Тихонравов относил к периоду петербургской жизни Гоголя — до 1836 года. В таком случае, работу над пьесой Гоголь начал вскоре после публикации “Пиковой дамы”.

1842 год — это год выхода в свет “Мёртвых душ”.

С момента опубликования “Пиковой дамы” (1834) прошло 8 лет.

Всё близко.

Впрочем, тема карт и сопряжённая с нею тема нечистой силы поднималась Гоголем и ранее — в “Пропавшей грамоте”.

Карты, карты, карты... *Карточное безумие охватило всю Россию.*

“Нигде, — писал кн. П. А. Вяземский в “Старой записной книжке”, — карты не вошли в такое употребление, как у нас: в русской жизни карты — одна из непреложных и неизбежных стихий... Карточная игра в России есть часто оселок и мерило нравственного достоинства человека. “Он приятный игрок” — такая похвала достаточна, чтобы благоприятно утвердить человека в обществе. Примеры упадка умственных сил человека от болезни, от лет не всегда у нас замечаются в разговоре или на различных поприщах человеческой деятельности; но начини игрок забывать козыри, и он скоро возбуждает опасение своих близких и сострадание общества”.

А кто только не шулерствовал на Руси! Взять, к примеру, ещё не ставшего тогда министром юстиции Г. Р. Державина, занимавшего позицию на станции на столбовой дороге и “раскатывавшего” затем проезжающих путников! Даром что ли на его поимку была отряжена целая команда! Другой министр юстиции — М. М. Сперанский — был, по преданию, не раз побиваем канделябрами за нечестную игру. Да что Сперанский! Злые языки поговаривали, что мухлевал в игре и бывал бит даже сам Аракчеев — человек с репутацией неподкупного и “преданного без лести” государева слуги!

Шулерский жаргон прочно вошёл в русский язык: кому не известны выражения “передёргивать” или “втирать очки” (речь в последнем случае идёт отнюдь не о протирании линз, а о технических приёмах мгновенного и незаметного для постороннего глаза превращения одной карты в другую, так называемые “порошковые карты”).

Был создан даже своеобразный “эпос” карточной игры и шулерства, примером чему может служить изданный анонимно в 1826–1827 годах двухтомник “Жизнь игрока, описанная им самим, или Открытые хитрости карточной игры”. Из него, кстати, и почерпнул Гоголь некоторые шулерские приёмы, приписав их своим героям. Что ж, это тоже был посыл — подмигивание знатокам и мастерам передёргивания карт, а с ними — и просто любопытствующим.

Карточное сумасшествие — причина разорений и самоубийств — становилось рядовым явлением. “. . . Вся Россия должна застрелиться: всякий или проигрался, или намерен проигратся”, — говорит в пьесе Гоголя Ихарев.

Кстати, что за странная фамилия такая? Просится на ум “Ухарев”. Но Ихарев — шулер высшей пробы, а посему какое бы то ни было *ухарство* в его профессии, жёстко определяющей характер человека, ему заказано. Может быть, это усечённое “Жихарев”? И уж не на Степана ли Петровича Жихарева (1787–1860) — Московского губернского прокурора, впоследствии обер-прокурора Правительствующего Сената, и незадачливого литератора — тонко намекал Гоголь? К Жихареву частенько наведывался Пушкин, в салоне прокурора велись разговоры о литературе и метался “банчок”. Или это случайность, шутка?

А вот и ещё одна: “Глов”. Тоже явно усечённая фамилия, наподобие “Пнина” (Репнина) или “Бецкого” (“Трубецкого”). Обычно усечённые фамилии представители русской знати давали своим незаконнорожденным детям. Так что же это за фамилия? Первое, что приходит в голову, — это У(Глов), Ще(Глов) или даже Же(Глов). Не исключено, что и Костанжо-(Гло)(в). А можно ведь и так: “г. Л-ов”, то есть “господин Л-ов”. А это может быть и Львов, и Лобанов-(Ростовский), и много-много кто ещё.

Вариант с немецкой фамилией весьма проблематичен. У немцев множество фамилий с окончанием на “-low” (например, хорошо известная отечественному читателю фамилия “Вольцов”). А вот “-glow”? Впрочем, мы рискуем в таком случае ни до чего не договориться. Остальные же фамилии — Швохнев, Кругель, Утешительный и даже Замухрышкин — вполне традиционны, хотя и несколько нарочиты.

Для чего же тогда наделил Гоголь своих персонажей усечёнными фамилиями? Думается, исключительно с целью намекнуть читателю и зрителю на хорошо известные обществу того времени некие скандальные истории. Вот и Андроников в своём телевизионном эссе о “Маскараде” М. Ю. Лермонтова говорит о некой известной высшему свету истории, которую Лермонтов положил в основу своего произведения. Правда, Андроников при этом ссылается на цензора, писавшего, что “пьеса, возможно, основывается на реальном событии, произошедшем в Петербурге”, и даже на Н. А. Добролюбова, который мог знать об этом лишь из десятых рук по пересудам в лакейской.

Привычка протягивать ниточку актуальности с целью оживления зрительского и читательского внимания – эдакое авторское подмигивание – широко распространённый приём у Гоголя, да и не только у него. Похоже, что Николай Васильевич решил намекнуть на некую громкую скандальную историю с участниками, носившими фамилии, оканчивающиеся на “-глов” и “-ихарев”. Однако во избежание нареканий автор “усёк” их, превратив в “маячок” для наводки читательского и зрительского внимания на цель.

Однако приступим, наконец, к главному.

Дерзнём утверждать, что и у Пушкина, и у Гоголя главной темой становится соприкосновение с миром потусторонним, от которого главные герои стремятся получить вполне *посюсторонние* блага – деньги. Вполне допустимо, на наш взгляд, рассматривать оба произведения в качестве своеобразных пародий: “Пиковую даму” – на “Фауста” Гёте, “Игроков” – на “Пиковую даму” Пушкина.

И в пушкинском, и в гоголевском текстах речь идёт о сознательном снижении вечных проблем, о нарочитой пародийности. Не будем углубляться в вопросы определения понятия *пародия*, повторим лишь за В. Ходасевичем, что “Пушкинская пародия всегда столь же глубока, как и то, что ею пародируется”. Впрочем, продолжает поэт, “для Пушкина “пародировать” значило найти и выявить в действии возможность комического, счастливого разрешения того же конфликта, который трагически разрешается в произведении первоначально”.

Итак, сделаем допущение, что пушкинский Германн – пародия на гётевского Фауста. Действительно, в сравнении с Фаустом Германн пошл, пошлы и его помыслы.

Ихарев – это сознательное авторское *снижение образа*, пародийный ракурс его изображения. И впрямь, вместо “подсоединения к каналу” неких высших и, добавив от себя, демонических сил, как это было с Германном у Пушкина, тема Ихарева – это попытка рукотворного создания универсальной “отмычки”, дающей герою возможность гарантированно добиваться цели. Так всплывает сугубо пародийная по своей сути тема *Аделаиды Ивановны*, по отношению к которой герой выступает в роли “творца” – “Пигмалиона”, а его детище – в виде всемогущей “Галатеи”.

Ох, уж эта *Аделаида Ивановна*! Она и пародия-ретрансляция на старуху-графиню – “пиковую даму”, о которой поминает в пьесе Утешительный, и даже на гностическую *софию*. Эту мысль высказал писатель и философ В. Карпец.

Как известно, чародей Симон Волхв, путешествуя по миру и занимаясь активной саморекламой, выдавал себя ни много ни мало “за бога живаго”. Сохранившиеся источники рисуют вполне однозначную картину его личности и дел. Однажды Симон даже предстал перед императорским двором в Риме и потерпел фиаско, когда пытался осуществить сеанс левитации – проще говоря, “полетать” в присутствии Нерона. Примечательно, что в латинском окружении Симона звали *Чародеем*, кроме того, его сопровождала некая проститутка, которую он выдавал за *софию*, – Елена, провозглашённая им “возрождённой Еленой Троянской”. Всё это ясно показывает, что здесь мы имеем дело с одним из источников легенды о Фаусте, бытовавшей в эпоху раннего Возрождения. А ряд почитателей гётевского “Фауста” давно высказывали предположение, что их герой – “потомок гностических сектантов”, а Прекрасная Елена, вызванная его искусством, была “падшей Мыслью Бога”, которой было “спасено пробуждённое человечество”.

Итак, **Аделаида Ивановна**.

Важно подчеркнуть, что *Аделаида Ивановна* – это не название колоды карт, а ИМЯ СОБСТВЕННОЕ, о чём говорит её “творец-Пигмалион” Ихарев.

“Стоит того, чтобы назвать её **именем**”, – вторит ему внимательно изучающий колоду немецъ Кругель.

Назови он её просто *Аделаида*, выглядело бы это холодно и несколько выскопарно. **Адела́йда** – фр. *Adélaïde*, – как известно, французский вариант древнегерманского имени Адельгейда – *Adalheid, Adelheid, Adelheidis*, – в котором два корня: *adal* – ‘благородный, знатный’ и *heid* – ‘вид, род, образ’. Следовательно, имя Адельгейда означает не что иное, как “благородная видом”, “благородная происхождением” или же просто “благородство”. Это имя было популярным во Франции и Англии в XII веке. Кстати, именами Аделаида и Адельгейда Гоголь наделил своих героинь в 8-й главе первого тома “Мёртвых душ”.

А вот добавление отчества, да ещё *Ивановна*, свидетельствует о сугубо уважительном отношении к ней со стороны её “творца” и придаёт “творению”, вернее, “твари” Ихарева качество чего-то родного, доверительного, сообщает ей интимную ноту и понижает высокий и холодный градус этого имени. Впрочем, “онтологический статус” *Аделаиды Ивановны* изначально невысок: какой из карточного шулера “бог”? Однако усилия при лепке сей “Галатеи” приложены изрядные! “Почти полгода трудов. Я две недели после того не мог на солнечный свет смотреть. Доктор опасался воспаления в глазах”, – говорит утративший бдительность Ихарев. Да, виртуозная работа, возможно даже в своём роде совершенство, но всё же “от мира сего”. Рукодельная “отмычка” (“лукич”, “фомка”) – не более.

И ещё один момент, также отсылающий – и вновь пародийно, иронически! – к немецкой мистике: *немецкость* имени. Недаром же Утешительный говорит об этом *усмехаясь*: “Слышь, Швохнев, ведь это совершенно новая идея – назвать колоду карт Аделаидой Ивановной. Я нахожу даже, это очень остроумно”.

Швохнев. Прекрасно: Аделаида Ивановна! очень хорошо...

Утешительный. Аделаида Ивановна. Немка даже! Слышь, Кругель, это тебе жена.

Немка! Не-здешняя. Из чужих пределов явившаяся. “Пиковая дама” тоже ведь была *плодом творения* оккультиста Сен-Жермена! Он ведь тоже был “немецъ”! И вместе с тем – детище русского игрока, “обрусевшая”, как Германн и Кругель.

Одним словом, *Аделаида Ивановна* – посланница “иных миров”, символ причастности великих тайн”. Впрочем, в русской литературе – от Пушкина до М. Булгакова – “немецъ” частенько выступал в роли проводника некой “инфернальной идеи”. Помните?

“Вы – немец? – осведомился Бездомный.

– Я-то?... – переспросил профессор и вдруг задумался. – Да, пожалуй, немец... – сказал он”.

А как обращается гоголевский Вакула к своему мохнорылому “оппоненту”, которого он перед тем нарисовал в церкви? “А, вот каким голосом запел, **немец проклятый!** теперь я знаю, что делать. Вези меня сей же час на себе! слышишь, неси как птица!”

Тема “обрусевшего немца” тоже довольно любопытна: не было бы “обрусения” Германна, Кругеля и *Аделаиды Ивановны*, не было бы и того, что формально роднило русского читателя с этими героями, и тогда получилась бы “чисто немецкая история о продаже души дьяволу” – совершенно ВНЕШНЯЯ по отношению к русской душе история.

Что ж, поговорим о “высших тайнах” в “Игроках”.

И здесь – в сравнении с “Пиковой дамой” – та же пародийность и то же сознательное понижение статуса.

“Высшие тайны”.

“Вам знакомы высшие тайны”, – говорит Ихареву Утешительный. Но что же это за “высшие тайны” и в чём заключается исследование “глубин познания”?

Из слов Ихарева выясняется, что речь идёт лишь об игровой практике – “ремесле”, “технике”, но отнюдь не о мистическом проникновении в “тайны бытия” – в отличие от “Пиковой дамы”. “Это уже с самых юных лет было мо-

им стремлением. Ещё в школе во время профессорских лекций я уже под скамьёй держал банк моим товарищам”, — признаётся Ихарев. О том же говорит и Швохнев, рассказавший об одиннадцатилетнем вундеркинде, мастерски передёргивавшем карты, — “это превосходит всякое описание”! Так что все “высшие тайны” в “Игроках” — сугубо рукотворны и от мистики далеки. Не то в “Пиковой даме”! Так что и здесь происходит снижение “тайн бытия”, что и было, несомненно, задачей, которую ставил перед собой Гоголь, и, конечно, здесь проявлялась скрытая полемика с Пушкиным. Впрочем, это истинно гоголевский ракурс постановки проблемы: речь не идёт о *подсоединении к каналу* “высших тёмных сил”, а о чём-то гораздо более “низком”. Это мелкие бесы играют и разыгрывают спектакль в своём кругу, вовлекая в него тех, кто соблазнился возможностью легко получить деньги.

Шулерская “техника и технология” уничтожают мистику, “убивая” Аделаиду Ивановну совершенно *посюсторонним* способом — путём розыгрыша неких ролевых многоходовых комбинаций. Известно, что лукавый лжёт даже тогда, когда, по видимости, говорит “правду”. Вспомним рассказы о том, как удаётся “бригаде Утешительного” подsunуть игрокам краплёные колоды карт, или о том, как он сообщает Ихареву о новом разделении *шулерского труда* и раскрытии ключа рисунка обратной стороны карт как об одном из его проявлений. “Это то, что называется в политической экономии распределение работ”, — говорит Утешительный Ихареву. В общем, решительно никакой мистики — в отличие от “Пиковой дамы”: сплошная технология с её неизбежными “инновациями”.

Кстати, “бригады” шулеров — это тоже давняя традиция, известная в России ещё с екатерининских времён. Раскрываем М. И. Пыляева и читаем: “По словам современников, в последние годы царствования Екатерины II карточная игра усилилась до колоссальных размеров; дворяне только и делали, что сидели за картами... Составлялись кампании обыграть кого-нибудь на верняка; поддерживать себя карточной игрою несколько не считалось предосудительным” (см.: М. И. Пыляев. “Старое житьё. Очерки и рассказы”. СПб, 1892. Статья “Азартные игры в старину”. С. 30).

В определённом смысле Ихарев и “аналог” Германна, и одновременно пародия на него — персона с такими же мечтами и идеалами.

Здесь нужно сделать ещё одно замечание: ни один герой, за исключением простодушного лакея Ихарева Гаврюшки, не имеет своего лица. У всех у них **личины**. Даже у трактирного слуги Алексея, служащего всем господам и снабжающего их к своей выгоде сведениями друг о друге, т. е. продающего и перепродающего своих благодетелей.

Игра в “Игроках” идёт двойная, а то и тройная.

“Священные обязанности”.

Тема игры как лжи обретает у Гоголя ещё одно важное измерение. Помните диалог Утешительного и Швохнева по поводу “священных обязанностей”?

Швохнев. Ну, зарпортовался! Горяч необыкновенно: ещё первые два слова можно понять из того, что он говорит, а уж дальше ничего не поймёшь.

Утешительный. Не могу, не могу! Если дело коснётся обязанностей или долга, я уж ничего не помню. Я обыкновенно вперёд уж объявляю: господа, если будет о чём подобном толк, извините, увлекусь, право, увлекусь. Точно хмель какой-то, а желчь так и кипит, так и кипит.

Ихарев. (про себя). Ну, нет, приятель! Знаем мы тех людей, которые увлекутся и горячатся при слове “обязанность”. У тебя, может быть, и кипит желчь, да только не в этом случае. *(Вслух).* А что, господа, покамест спор о священных обязанностях, не засесть ли нам в банчик?”

А теперь восстановим в памяти спор между Утешительным и Кругелем относительно того, **ВСЬ** человек принадлежит обществу или **НЕ ВСЬ**?

Утешительный. Так, но человек принадлежит обществу.

Кругель. Принадлежит, но не весь.

Утешительный. Нет, весь.

Кругель. Нет, не весь.

Утешительный. Нет, весь.

Кругель. Нет, не весь.

Утешительный. Нет, весь!

Швохнев (*Утешительному*). Не спорь, брат, ты неправ.

Утешительный (*горячась*). Нет, я докажу. Это обязанность... Это, это, это... это долг! это, это, это...

Любопытно, что даже в самом глумлении чувствуется “национальная” нотка: русский Утешительный говорит о полном растворении человека в обществе, а немец Кругель отстаивает право человека на некую приватность. Так и хочется процитировать “Пиковую даму”: “Германн немец: он расчётлив, вот и всё!”

В сущности, диалог сей – двойной, если не тройной глум. Во-первых, это провокация предполагаемого карточного шулера (Ихарева) – попытка разговорить его и “войти к нему в доверенность”; во-вторых, пародирование самих себя; в-третьих, откровенная издёвка всей “карточной России” над официальной идеологией СЛУЖЕНИЯ, которую старался внедрить в русское общество государь Николай Павлович, подававший к тому великолепный личный пример.

И действительно: чиновники тихо берут взятки, живя своей обособленной жизнью, оперирует виртуальной реальностью, предвосхищая аферы с “материей жизни” века грядущего, Чичиков, шулерствует высший и средний класс, а сверху его убеждают в необходимости служения и исполнения каких-то “священных обязанностей”. Какие уж тут обязанности, да к тому же ещё “священные”!

Такое глумление в пьесе Гоголя не могло не расцениваться автором как трагедия общества – причина его деградации и саморазрушения. Так у пьесы появляется – чисто по-гоголевски – социальное измерение, которого лишена пушкинская “Пиковая дама”.

Однако постоянно, пусть лишь намёком, в “Игроках” присутствует отсылка к “Пиковой даме”. Взять хотя бы реплику Утешительного относительно “вооружённости против судьбы”. Само словосочетание выглядит парадоксально. В этом можно было бы усмотреть характерную для гоголевских героев манеру выражаться вычурно, если бы не пушкинский Германн и его железная воля: “Я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее”.

А вот что говорит Утешительный Лже-Глову (старшему): “Я сам играл, играл сильно. Но, благодарю судьбу, бросил навсегда, не потому, чтобы проигрался или **был вооружён против судьбы**”.

Германн не устоял перед искушением и, продав душу дьяволу, пал жертвой “тайной недоброжелательности”. Утешительный же, изображая “победившего судьбу”, оказывается в выигрыше. Но разве можно победить СУДЬБУ, если понимать всю её неотвратимость? И опять чувствуется гоголевская насмешка над пушкинским героем. Впрочем, всё зависит от того, какой смысл мы вкладываем в слово “судьба”: некий Рок, предопределяющий земную жизнь человека, или пройденный им – пусть и не до конца – жизненный путь. Однако в первом случае слова Утешительного звучат нарочито пародийно, а во втором – бессмысленно.

И вот ещё: “Утешительный (*продолжая метать*). Помнишь, Швохнев, **свою бронежку, что называл ты пиковой дамой**. Где-то она теперь, сердечная. Чай, пустилась во все тяжкие. Кругель! твоя убита! (*Ихареву*) и твоя убита! Швохнев, твоя также убита; гусар также лопнул”.

Так и хочется добавить: “Шептала в разгаре азарта”! Впрочем, это уже не у Пушкина, а у Модеста Ильича Чайковского в его оперном либретто:

Ваша дама убита...

Опять отсылка к “Пиковой даме”! И не просто к произведению, но к главной его теме: “борьбе с судьбою”. И снова гоголевская ирония, а то и сарказм: “бригадный метод” шулерства побивает даже “тайную недоброжелательность”, становясь ВЫШЕ самой СУДЬБЫ или, скажем иначе, самой судьбою, вмешиваясь в её “естественное течение”!

И ещё одна отсылка к “Пиковой даме”:

Утешительный. Ого-го, гусар! На сто тысяч! Каков, а? А глазки-то, глазки? Замечаешь, Швохнев, как у него глазки горят? **Барклай-де-Толльевское что-то видно**. Вот он, героизм!.. Лопнул гусар!

Помнится, Германн выглядел сбоку сущим Наполеоном, пугая “своим пошлым лицом” и пленяя одновременно воображение Лизаветы Ивановны, а Лже-Глов (младший) — по дерзости и отваге — был натуральный **Барклай-де-Толли!** А если учесть, что весь этот “героизм” и ухарство — сплошной спектакль, разыгрываемый для Ихарева, то ирония и пародирование получаются у Гоголя двойными, а то и тройными. Германн повышал ставки и выигрывал, а Лже-Глов — “лопался”.

И разве не отсылает реплика Швохнева: “Кто садится без денег, тот садится с тем, чтобы обыграть навверное”, — к истории с графиней Анной Федотовной, явившейся после свидания с графом Сен-Жерменом *au jeu de la Reine* “без гроша в кармане”, смело поставившей одну за другой три карты и отыгравшейся совершенно?

Казалось бы, гоголевский сюжет предельно “обмирщён”, целиком *посюсторонен* — ан нет! Инфернальность, правда, несколько сниженная по сравнению с Пушкиным, прорывается в репликах Ихарева, осознающего — не сразу и не вдруг — дьявольскую игру, жертвой которой он стал.

И тут начинается серия “чертыханей”, до которых столь охоч был Николай Васильевич. Правда, здесь они к месту, поскольку указывают на истинного хозяина ситуации.

Глов. Какой **чорт** долг! Получишь ты долг! Разве ты не чувствуешь, что в дураках и проведён, как **пошлый пень**.

Глов. Старик-то? Во-первых, он и не отец, да и чорт ли и будут от него дети! А во-вторых, тоже не Глов, а Крыницын, да и не Михал Александрович, а Иван Климыч, из их же компании.

Ихарев (отчанно). Да ты кто? **чорт** ты, говори, кто ты?

И далее: “Чорт возьми! Такая уж надувательная земля! Только и лезет тому счастье, кто глуп, как бревно, ничего не смыслит, ни о чём не думает, ничего не делает, а играет только по грошу в бостон поддержанными картами!

Ихарев (в ярости). **Чорт побери** Аделаиду Ивановну! (*Схватывает Аделаиду*)

Но только какой **дьявольский** обман!”

Ох, недаром же говорят: “Не поминай дьявола по имени!” Помянешь нечистого, а он уже тут как тут с его неизменным: “Я здесь, к услугам вашим!”

Правда, в данном случае мохнорылые являются творцу *Аделаиды Ивановны*, чтобы поглумиться над ним. Мелкие бесы сделали своё дело, “кинув” Ихарева. “На всякого мудреца довольно простоты” — по русской пословице. А можно и без всякой заумной инфернальщины: по Гоголю, современная жизнь — это “бесовщина в шаговой доступности”.

“Ты хотел послужить мне, простодушный человек? Молодец! Получай же теперь свой гонорар!” Вот и выходит, что Ихарев — это “Германн сегодня”. Правда, в приземлённом, лишённом демонических черт варианте.

Надо сказать, что в отличном, на наш взгляд, фильме П. Чухрая “Русская игра” (2007), снятом по пьесе Гоголя, тема мелких бесов, перед которыми оказывается бессильным матерый игрок — “катала”, — прозвучала совершенно замечательно, выразившись в нарочито *марионеточной* — **нечеловеческой** — пластике С. Маковецкого, С. Гармаша и А. Мерзликина, подчёркиваемой их эксцентрическими гримасами и нелепыми фраками.

Вспомним: “Игроки” увидели свет в 1842 году, одновременно с первым томом “Мёртвых душ”, где “тема чорта” (Чичикова) и оперирования “незримыми” (виртуальными) сущностями — *мёртвыми душами*, — и тема создания соответствующих технологий конвертации их в реальный капитал звучала уже во весь голос. Глядя на сегодняшний мир с его фьючерсами, ипотеками и кредитами, можно с известным допущением сказать, что Гоголь оказался пророком: мнимость и эфемерность правит миром.

*...Мчатся тучи, вьются тучи...
Мутно небо, ночь мутна...*

Уже тогда трагически звучал голос Гоголя, вложившего свою тревогу в уста князя из второго тома “Мёртвых душ”: “...пришло нам спасать нашу землю; что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплемённых язы-

ков, а от нас самих; что уже, мимо законного управленья, образовалось другое правленье, гораздо сильнеее всякого законного. Установились свои условия; всё оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. И никакой правитель, — хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, — не в силах поправить зла, как ни ограничивай он в действиях дурных чиновников приставленьем в надзиратели других чиновников...”

*...Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам...*

А сверху, с властного Олимпа звучит голос императора о СЛУЖЕНИИ...

“Не успел он докончить последних слов, как все чудища выскалили зубы и подняли такой смех, что у деда на душе захолонуло”.

Это юный Гоголь мог смеяться над нечистой силой, осознавая её бессилие: “Что вы, Иродово племя, задумали смеяться, что ли, надо мною? Если не отдадите сей же час моей козацкой шапки, то будь я католик, когда не переворочу свиных рыл ваших на затылок!”

Теперь Гоголь смотрит на вещи куда пессимистичнее, а ведь писались “Пиковая дама” и “Игроки” практически в одно и то же время.

Россия покидала мир Пушкина и погружалась в мир Гоголя.